

...Навостоящий гул самолетов, от которого холодеет все внутри. И вот они уже над позицией, и уже рвутся бомбы то тут, то там. Нужно куда-то убежать, спрятаться, чтобы не слышать этого воя, не слышать крики раненых, не видеть, как то тут, то там словно лопаются земля, падают солдаты. Но бежать нет сил, а горло перехватило, и крик, рвущийся изнутри, никак не выдать. Становится трудно дышать, но надо сделать последнее усилие, чтобы хотя бы с места сдвинуться...

И тетя Шура открывает глаза, облегченно вздыхает: «Слава богу, вся война во сне осталась!» Но теперь уже знает, что уснуть не сможет. Встает потихоньку, чтобы не разбудить внука. В квартире тихо, и на душе становится спокойно. Немного подсаждает сама на себя, вроде бы и не думала ни о чем таком, а вот надо же, опять приснилось. И опять в таких подробностях, что действительно все было!

1941 год. Шура закончила седьмой класс в вечерней школе. Жила и работала в Астрахани. Приехала сюда из Порфировки к тетке в поисках лучшей жизни. На родине жилось трудно, семья большая, недоедали, недопивали. А здесь считала, что устроилась неплохо. Работала на железнодорожном вокзале, училась по вечерам в школе. Вступила в комсомол. Так все хорошо складывалось. И вот война все перевернула.

С тревогой вслушивались в сводки Совинформбюро. Нерадостными были они. Отсутствовала наша армия под натиском врага. Жили тревогой, спрашивая друг друга: «Что же будет?» С начала войны осаждали военкоматы комсомольцы Астрахани, просили отправить их на фронт, в помощь армии, чтобы остановить врага. Была среди них и Шура вместе со своими подругами. Просили записать их в добровольцы. Не сразу была исполнена их просьба. Наконец объявили, что направляются девчата на курсы поваров. Вроде бы назначение их самое мирное — учиться сушить да кашу готовить. Но доставалось девчатам по всем правилам

— Все бомбежки наши были, — рассказывает тетя Шура. — Особенно обидно, когда только притововим обед, знаем, что солдаты голодные, и вдруг налет. Разбомбит всю нашу кухню, изрешетят осколками котлы. Каша еще иногда оставалась, а вот бульон у супа весь вытечет. Людей жалко, продукты жалко. В такие минуты даже и в страхе забывали.

С верой в будущее

Продукты доставлялись на позиции с перебоями, воды тоже не хватало, берегли каждую каплю. Кухня под открытым небом. Правда, делали иногда навес из палаток. Веток сверху набрасывают для маскировки. Но все равно находили их фашистские летчики, потому что на кухне почти постоянно что-то варилось, дымилось. Сколько раз землей засыпало. В одну из бомбежек получила Шура контузию, одно ухо с тех пор не слышит.

Дивизион их стоял в стороне Тракторного завода, у Мамаева кургана. Морозы зимой 1942 года были очень сильные. А о том, какие бои здесь шли, вспоминать страшно. Но как бы ни было, под бомбежками, в условиях, когда враг мог прорваться в любую минуту на позиции, бесперестанно работала кухня. Затапливали ее чуть свет. Дрова сырые, не горят. До слез иной раз доходило. Подойдет старший повар, спросит: что случилось, поспеет: «Эх ты, солдат, а плачешь. Живая, не ранена, чего плакать?» Принесет откуда-нибудь солынки или керосина, разожгут еле-еле. Он для них был как отец, потому что в дивизионе и старший повар, и связисты все были ложилые люди, которым уже под шестьдесят. Жалели девчонок, старались подбодрить.

Чтого только стоило котлы вымыть. Огромные, скоблят их скоблят. Да еще

радостно было от того, что не пропустили их за Волгу, и горько от того, сколько людей погибло, чтобы обновить их.

И в один из дней, после того, как объявили, что немцы сдались, прибежал к ним на кухню командир дивизиона и кричит: «Девчата, сейчас Паулюса повезут, быстрее бегите!» Побегали к дороге. Уж очень хотелось посмотреть,

И насколько же нам, молодым, людям послевоенного поколения, надо быть внимательными к ним, чтобы за все лишения, пережитые в трудную годину, им сегодня жилось хорошо. Правда, Александра Васильевна на жизнь свою не жалуется. Как участница войны получила, пусть и небольшую, квартиру. Пользуется и другими льготами. Как она говорит, жить можно, вот только здоровья не стало, все везде болит. Глазами-то все бы сделала, как раньше было, только силы нет. Но все равно со всеми домашними делами управляет сама.

Когда мы вели с Александрой Васильевной разговор о предстоящем Дне Победы, она заметила, что почему-то в этот праздник в основном чествуют только тех, кто участвовал в войне. А как же труженики тыла? О них упоминают лишь вскользь. Но ведь если бы не они, то и не было бы победы. Те, кто был на войне, видели страх, смерть. А те, кто работал в тылу, последнее от себя отдавали, жили для фронта, для победы. Сколько осталось вдов солдатских матерей, у которых сыновья погибли. Если участник войны в магазине может купить товар без очереди, для него и специальный магазин есть, то для вдовы солдатской — ничего нет. Очень правильно сегодня говорят и по радио, и по телевизору, и в газетах пишут, что надо отдать должное всем, кто жил и работал для победы, что для них тоже должны быть какие-то льготы. С этим невозможно не согласиться. И в послевоенные годы поднимали народное хозяйство наряду с вернувшимися с войны и те, кто работал в тылу.

Сорок пять лет живет страна под мирным небом. Пройдут еще десятилетия, но будут помнить люди те четыре военных года, пройдя сквозь которые, советский народ сумел выстоять, поднять страну из руин. Вот и в жизни Александры Васильевны Харитоновой войне было отсчитано три года. Несравненно мало по отношению ко всем прожитым годам. Только вспоминаются они чаще всего. И заносит где-то в груди, а потом долго не отходит ду-

В будущее

глаза, облегченно вздыхает: «Слава богу, вся война во сне осталась!» Но теперь уже знает, что уснуть не сможет. Встает потихоньку, чтобы не разбудить внучку. В квартире тихо, и на душе становится спокойно. Немного подсадует сама на себя, вроде бы и не думала ни о чем таком, а вот надо же, опять рисилось. И опять в таких подробностях, что дышать не хочется. А ведь как давно все было!

1941 год. Шура закончила седьмой класс в вечерней школе. Жила и работала в Астрахани. Приехала сюда из Порфировка к теще в поисках лучшей жизни. На родине жилось трудно, семья большая, недоедали, недопивали. А здесь считала, что устроилась неплохо. Работала на железнодорожном вокзале, училась по вечерам в школе. Вступила в комсомол. Так все хорошо складывалось. И вот война все перепутала.

С тревогой вслушивались в сводки Совинформбюро. Нерадостными были они. Отступала наша армия под натиском врага. Жили тревогой, спрашивая друг у друга: «Что же будет?» С начала войны осаждали военкоматы комсомольцы Астрахани, просили отправить их на фронт, в помощь армии, чтобы остановить врага. Была среди них и Шура вместе со своими подругами. Просили записать их в добровольцы. Не сразу была исполнена их просьба. Наконец объявили, что направляются девчата на курсы поваров. Вроде бы назначение их самое мирное — ухититься супы да кашу готовить. Но доставалось девчатам по всем правилам военной поры. Прибыв на место, они поняли, что с этого дня солдаты. И об этом говорила не только новенькая военная форма. Прощай, и тот же самый курс молодого бойца, приняли присягу. Были и ночные тревоги, и строевые учения, и стрельба. Что и говорить, нелегко приходилось, но понимали, что там, на фронте, будет еще тяжелее.

Особый артиллерийский гвардейский полк, куда была направлена Шура, стоял под Сталинградом. Тяжелая артиллерия, пушки 152-го кал. бра. Вокруг насолько хвистает глаз, — степь. Укрыться негде. Бывало, только артиллерия отстреляется, следом немецкие самолеты бомбят позиции начинали ст.

Продукты доставлялись на позиции с перебежками, воды тоже не хватало, берегли каждую каплю. Кухня под открытым небом. Правда, делали иногда навес из палаток. Веток сверху набрасывают для маскировки. Но все равно находили их фашистские летчики, потому что на кухне почти постоянно что-то варилось, дымилось. Сколько раз земля засыпала. В одну из бомбежек получила Шура контузию, одно ухо с тех пор не слышит.

Дивизион их стоял в стороне Тракторного завода, у Мамаева кургана. Морозы зимой 1942 года были очень сильные. А о том, какие бои здесь шли, вспоминать страшно. Но как бы ни было, под бомбежками, в условиях, когда враг мог прорваться в любую минуту на позиции, беспеременно работала кухня. Запальвали ее чуть свет. Дрова сырые, не горят. До слез иной раз доходило. Подойдет старший повар, спросит: что случилось, пошмеется: «Эх ты, солдат, а плачешь. Живая, не ранена, чего плакать?» Принесет откуда-нибудь солонки или керосина, разожгут еле-еле. Он для них был как отец, потому что в дивизионе и старший повар, и связисты все были пожилые люди, которым уже под шестьдесят. Жалели девчонок, старались подбодрить.

Чего только стоило котлы вымыть. Огромные, скоблят их скоблят. Да еще и воду-то надо было экономить. Доставалось, день и ночь работали. Но тяжело было не только от работы, не только от того, что смерть постоянно шла рядом. Они, молоденькие девчонки, среди мужчин. Порой и переодеться негде было, потому что даже землянки не всегда были. Но дух всегда поддерживала надежда, что все эти трудности, потери ради победы над врагом.

Немцы сосредоточили под Сталинградом огромные силы. Но не сумели вырваться из кольца, в котором оказались под натиском наших войск.

— Три дня шли колонны пленных в сторону тыла, — вспоминает тетя Шура. — Какие они были жалкие, изможденные, оборванные. И

что же это за генерал такой, который никак не хотел сдаваться. Представляли его таким большим, здоровым. На деле же оказался невысокий, очень худой мужчина. Был он в полной генеральской форме, при крестах. С ним еще три немца в форме. Тоже очень худые. Не сладко пришлось им на нашей земле, весь лоск слетел, по сторонам смотреть боялись.

После Сталинграда полк пошел на запад. Украина, Белоруссия, Польша, Германия. Чем дальше продвигались наши войска, тем злее становился враг. Правда, немало немецких солдат сдавалось в плен со словами: «Гитлер капут!» Но многие из них еще верили в победу. Только наша армия была уже не та. Столько, сколько увидел и пережил советский солдат, вряд ли когда-то и кому-то приходилось. Разве можно забыть сожженные деревни, от которых остались лишь печные трубы, колодцы, запыленные трупами убитых мирных жителей, пожарница, в которых рылись оставшиеся в живых, отыскивая останки сожженных односельчан. Стоял плач стоял над землей. Казалось, что никогда не отойдет она от этого страшного горя. Но жизнь брала свое. Люди возвращались в родные места. И ростки новой жизни были видны повсюду — курился дым над землянками, раскапывались огороды.

Все это довелось увидеть, через все это довелось пройти Шуре, простому рядовому солдату войны, повару дивизионной кухни. Слушай Александру Васильевну Харитонову, теперь уже пожилую женщину, даже трудно предположить, что вот она, такая мирная, внешне очень далекая от всего, что связано с войной, шла фронтовыми дорогами три года, что немало ее сверстниц так и остались навсегда молодыми, остались в братских могилах, которых немало было на пути нашей Советской Армии к победе.

Давно залечила военные раны наша страна, но до сих пор кровоточат они в душах ветеранов воспоминаниями до сих пор приходит к ним война во сне.

все равно со всеми домашними делами управляется сама.

Когда мы вели с Александрой Васильевной разговор о предстоящем Дне Победы, она заметила, что почему-то в этот праздник в основном чувствуют только тех, кто участвовал в войне. А как же труженики тыла? О них упоминают лишь вскользь. Но ведь если бы не они, то и не было бы победы. Те, кто был на войне, видели страх, смерть. А те, кто работал в тылу, последнее от себя отдавали, жили для фронта, для победы. Сколько осталось вдов солдатских матерей, у которых сыновья погибли. Если участник войны в магазине может купить товар без очереди, для него и специальный магазин есть, то для вдовы солдатской ничего нет. Очень правильно сегодня говорят и по радио, и по телевизору, и в газетах пишут, что надо отдать должное всем, кто жил и работал для победы, что для них тоже должны быть какие-то льготы. С этим невозможно не согласиться. И в послевоенные годы поднимали народное хозяйство наряду с вернувшимися с войны и те, кто работал в тылу.

Сорок пять лет живет страна под мирным небом. Пройдут еще десятилетия, но будут помнить люди те четыре военных года, пройдя сквозь которые, советский народ сумел выстоять, поднять страну из руин. Вот и в жизни Александры Васильевны Харитоновой войне было отсчитано три года. Несравненно мало по отношению ко всем прожитым годам. Только вспоминаются они чаще всего. И заносит где-то в груди, а потом долго не отходит душевная боль. Она появляется и тогда, когда слышит о том, как то тут, то там возникают конфликты, когда даже в наше мирное время люди убивают друг друга. Зачем это? Ведь не война же, неужели нельзя мирным путем договориться? Страшно становится за детей, внуков. Только такой уж Александра Васильевна человек, что всегда и во всем верит в хорошее, доброе, верит, что в конце концов все наладится, жизнь наша станет лучше. Наверное, так и надо жить — с верой. Вера в победу помогла выстоять в трудную годину Великой Отечественной, вера в лучшее будущее поможет нам и в перестройке нашего общества в наши дни.

Н. ПАРАМОНЧЕВА